

ЭКРАНИЗАЦИЯ 1971 ГОДА С ШИРЛИ МАКЛЕЙН.
Несколько наград Берлинского международного
кинофестиваля

ОТЧАЯННЫЕ ХАРАКТЕРЫ

с предисловием Джонатана Франзена

ПОЛА
ФОКС

МИРОВАЯ КЛАССИКА
впервые на русском языке

«Отчаянные характеры» — книга, которую я люблю
за саспенс и глубокий смысл.

ЭЛЕНА ФЕРРАНТЕ,
автор бестселлера «Моя гениальная подруга»

Пола Фокс

Отчаянные характеры

Издательство "Livebook/Гаятри"

1970

УДК 82-3
ББК 84

Фокс П.

Отчаянные характеры / П. Фокс — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 1970

ISBN 978-5-907428-28-7

Всё началось с бездомного кота. Софи Бентвуд захотела угостить его молоком, поделиться с несчастным толикой своего благополучия, столь недостижимого для многих ее соседей по Бруклину. А кот укусил ее за руку. И череда заурядных, но притом зловещих событий начинает терзать супругов Бентвудов. Ожидание анализов на бешенство становится настоящей мукой и испытанием для всех: для самой Софи, ее мужа, их друзей. Обнажаются все разломы и бездны «образцового» брака Бентвудов, проблемы в отношениях Софи с миром и с самой собой. Роман погружает читателя в тревожную атмосферу психологических фильмов Бергмана и триллеров Хичкока и держит в невероятном напряжении до самого конца. Впервые опубликованные в 1970 году и получившие широкое признание «Отчаянные характеры» по праву считаются вершиной американского реализма.

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-907428-28-7

© Фокс П., 1970
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 1970

Содержание

Предисловие	7
Один	11
Два	16
Три	23
Четыре	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пола Фокс

Отчаянные характеры

Paula Fox
Desperate Characters

* * *

Copyright © 1970 by Paula Fox
Introduction copyright © 1999 by Jonathan Franzen
© Евгения Макарова, перевод на русский язык, 2021
© Издательство «Лайвбук», оформление, 2021

* * *

Отзывы о книге Пола Фокс «ОТЧАЯННЫЕ ХАРАКТЕРЫ»

Захватывающе, элегантно... Свободная, но пронзительная проза Фокс, незаметно переходящая от настоящего к прошлому, от внешнего к внутреннему, раскрывающая затаенное отчаяние, абсурд и скрытое насилие, спрятанные в самых обыденных словах и рутине, делает эту зарисовку из жизни актуальной во все времена. Отлично.

Чарльз Вайнкофф, Entertainment Weekly

«Отчаянные характеры» продолжают значительную американскую литературную традицию короткого романа, примерами которой являются «Билли Бадд», «Великий Гэтсби», «Подруга скорбящих» и «Лови момент»... Беспощадная и блестящая книга.

Ирвинг Хау, The New Republic

Фокс – писательница – это чуткий, пристальный взгляд. Ее образы ранят плоть, разъедают сетчатку... Проза Фокс причиняет боль.

Уолтер Курн, New York

Книга «Отчаянные характеры» с ее острыми оживленными диалогами и гулками мрачными паузами – это мастерски созданное беспощадное напряжение. А картины нью-йоркской жизни, мелькающие на фоне всё более сужающейся зоны безопасности Бентвудов, нарисованы безошибочно и могли бы принадлежать перу Дон Пауэлл, если бы она дожила до конца шестидесятых... Для меня эта книга – сокровище.

Джонатан Летем

Одна из лучших вещей современной литературы – оригинальная, неувядающая, полная ума, точных жизненных деталей, напряженности современной борьбы за выживание: смелая, остроумная, пугающая и совершенно замечательная.

Ширли Хаззард

При всей своей краткости, «Отчаянные характеры» – это маленький шедевр, откровение... которое захватывает сознание читателя тонкой ясностью метафор и пугающей вязкостью кошмара... Это выдающийся образец страстной сдержанности и контроля.

Пёрл К. Белл, The New Leader

Безжалостным взглядом документалиста Пола Фокс... ставит перед читателем проблемы и не дает никаких рекомендаций... Искусная настойчивость, с которой мисс Фокс исследует жизнь своих персонажей, приковывает внимание.

Питер Роули, New York Times Book Review

Этот совершенный роман о боли так же понятен, так же правдоподобен и так же целителен, как горячечный бред.

Фредерик Буш

Пронзительный портрет современной пары, стоящей на грани... Беспредельно честный, блестяще написанный, страстный.

Джон Гэбри, New York Newsday

Блестящий спектакль, совершенно опустошающий в своем искусном изображении жестокой нью-йоркской жизни.

Альфред Казин

Почти совершенное произведение, завоевывающее доверие и уважение читателя с самого первого предложения... Тонкая, прекрасно написанная проза... Каждое предложение приносит удовольствие – удовольствие от знакомства с автором, который знает человеческое сердце... Роман «Отчаянные характеры» можно с наслаждением прочитать в один присест.

Дайан Коул, The Georgia Review

«Отчаянные характеры» – шедевр экономной прозы... Читая эту клаустрофобную поразительную книгу, можно только гадать, кто же заблуждается более фатально – отчаявшиеся персонажи эпохи Бентвудов или гиперуверенные герои нашего времени.

Эндрю О'Хехир, Salon Magazine

Предисловие

Этому нет конца:

перечитывая «Отчаянные характеры»

При первом прочтении «Отчаянные характеры» – это роман-саспенс. Софи Бентвуд, сорокалетнюю жительницу Бруклина, кусает бездомный кот, которому она дала молока, и следующие три дня она гадает, что принесет ей этот укус: смерть от бешенства? уколы в живот? вообще ничего? Движущей силой книги является холодящий душу ужас Софи. Как и в более традиционных саспенс-романах, на карту поставлены жизнь и смерть, а также, возможно, судьба свободного мира. Софи и ее муж Отто – представители передовой городской аристократии конца 1960-х годов, когда уклад жизни крупнейшего города свободного мира, кажется, рушится под завалами мусора, рвоты и экскрементов, вандализма, мошенничества и классовой ненависти. Давний друг и партнер Отто по юридической фирме Чарли Рассел увольняется и обрушивается на Отто с яростной критикой его консерватизма. Отто жалуется, что неряшливая деревенская кухня напоминает ему о смерти – и, похоже, именно это он видит повсюду в меняющемся мире. Софи мечется между своим ужасом и странным желанием, чтобы ей причинили вред. Она боится боли, но не уверена, что не заслуживает ее. Она цепляется за мир привилегий, даже когда он ее душит.

По ходу дела, страница за страницей, вы наслаждаетесь прозой Полы Фокс. Ее предложения – это маленькие чудеса емкости и конкретики, сами по себе крошечные романы. Вот, например, момент укуса:

Она улыбнулась, размышляя, как редко этому животному доводилось испытывать дружелюбное человеческое прикосновение – скорее всего, никогда. Она всё еще улыбалась, когда кот вдруг вскочил на задние лапы, выпустил когти и бросился на нее; она улыбалась вплоть до той секунды, пока он не вонзил свои зубы в тыльную сторону ее левой ладони и не вцепился так крепко, что Софи почти упала ничком, ошеломленная и испуганная; помня, что рядом Отто, она душила крик, рвущийся из ее горла, и пыталась выдернуть свою руку из этого клубка колючей проволоки.

Описывая этот драматический момент как серию телодвижений, словно под микроскопом, Фокс дает пространство каждому аспекту многогранной личности Софи: ее либеральности, ее привычке к самообману, ее уязвимости и прежде всего ее самосознанию замужней женщины. «Отчаянные характеры» – редкий пример романа, в котором в равной мере представлены обе стороны брака: и ненависть, и любовь; и она, и он. Отто – мужчина, который любит свою жену. Софи – женщина, которая в шесть утра понедельника выпивает рюмку виски и смывает грязную воду в кухонной раковине, «издавая громкие детские звуки отвращения». Отто достаточно жесток, чтобы сказать: «Желаю удачи, приятель», когда Чарли уходит из фирмы; Софи достаточно жестока, чтобы спросить его позже, почему он это сказал; Отто в ужасе от того, что она это спросила; Софи в ужасе от того, что привела его в ужас.

Когда я впервые прочитал книгу «Отчаянные характеры» в 1991 году, я влюбился в нее. Мне показалось, что она определенно превосходит все романы современников Фокс – Джона Апдайка, Филипа Рота и Сола Беллоу. Она казалась неоспоримо великой. Поскольку я узнал в браке Бентвудов собственный проблемный брак, и роман наводил на мысль, что страх перед

болью более разрушителен, чем сама боль, а мне очень хотелось в это верить, я почти сразу же перечитал его. Я надеялся, что при втором прочтении книга действительно может подсказать мне, как жить.

Ничего подобного. Наоборот, книга стала еще более загадочной – в меньшей степени уроком, в большей степени переживанием. Стали проявляться ранее незаметные скопления метафор и тематических нюансов. Мое внимание привлекло, например, предложение, описывающее наступление рассвета в гостиной: «Предметы, очертания которых становились четче в зарождающемся свете, таили какую-то темную, тотемную угрозу». Также и при втором прочтении каждый предмет в книге начинает проступать, будто в свете восходящего солнца. Куриная печень, например, представлена в первом абзаце как деликатес и центральный элемент трапезы – как сущность цивилизации старого мира. («Вы берете сырой материал и преобразуете его, – замечает либерал Леон много позже в романе. – Это и *есть* цивилизация»). Через день после того, как кот укусил Софи, и они с Отто начали готовить ответный удар, остатки печени становятся приманкой для поимки и убийства дикого животного. Приготовленное мясо по-прежнему является сутью цивилизации, но насколько более жестокой видится цивилизация теперь! Или проследим за едой в другом направлении: мы видим, как потрясенная Софи субботним утром пытается поднять себе настроение, потратив деньги на посуду. Она отправляется в «Базар Провансаль», чтобы купить сковородку для омлета, предмет реквизита в ее «призрачной мечте о быте» по-французски – легком и облагороженном. Сцена заканчивается тем, что продавщица вскидывает руки, «словно отгоняя злые чары», а Софи ретируется с покупкой, почти комически символизирующей ее отчаяние, – песочными часами-таймером для яиц.

Хотя в этом эпизоде у Софи кровоточит рука, она упорно отрицает это. Когда я читал «Отчаянные характеры» в третий раз (задав роман студентам в рамках писательских курсов, которые тогда вел), я начал обращать больше внимания на эти отрицания. Софи выдает их почти безостановочно на протяжении всей книги: «Всё в порядке. О, ничего страшного. О, ну, это ничего. Не говори со мной об этом. КОТ НЕ БОЛЬНОЙ! Это укус, просто укус! Я не собираюсь бежать в больницу из-за такой ерунды. Ничего страшного. Уже гораздо лучше. Это не имеет никакого значения». Эти повторяющиеся отрицания отражают основную структуру романа: Софи мечется от одного потенциального убежища к другому, и ни одно из них не способно защитить ее. Она идет на вечеринку с Отто, она тайком уходит с Чарли, она покупает себе подарок, она ищет утешения у старых друзей, она обращается к жене Чарли, она пытается позвонить своему старому любовнику, она соглашается пойти в больницу, она ловит кота, она ложится в постель, она пытается читать французский роман, она бежит в свой любимый загородный дом, она думает о переезде в другой часовой пояс, она думает об усыновлении, она разрушает старую дружбу: ничто не приносит облегчения. Ее последняя надежда – написать матери об укусе кота и «задеть ту самую струну, которая отзовется в старухе презрением и весельем»; другими словами, превратить свое затруднительное положение в искусство. Но Отто швыряет ее чернильницу в стену.

От чего бежит Софи? В четвертый раз перечитывая «Отчаянные характеры», я надеялся получить ответ. Я хотел понять, наконец, счастье это или беда, что семейная жизнь Бентвудов с треском рушится на последней странице книги. Я хотел «понять» финальную сцену. Но я до сих пор ее не понял. Я утешал себя мыслью, что хорошую художественную литературу по большей части определяет то, что она не дает простых ответов на вопросы идеологии, не предлагает терапевтического лечения культурой и не идет на поводу приятных мечтаний для всеобщего развлечения. Возможно, «Отчаянные характеры» – не столько об ответах, сколько о настойчивости вопросов. Меня поразило сходство Софи с Гамлетом – еще одним болезненно рефлексирующим персонажем, который получает тревожное и двусмысленное послание, проходит через муки, пытаясь понять его значение, и в конце концов отдает себя в руки ниспосланного богом провидения и принимает свою судьбу. Софи Бентвуд получает двусмысленное

послание не от призрака, а от зубов кота, и ее мучения связаны не столько с неопределенностью, сколько с нежеланием смотреть правде в глаза. В конце, когда она обращается к провидению и говорит: «Боже, если у меня бешенство, то я такая же, как все вокруг», это не откровение. Это облегчение.

Когда книгу даже на короткое время перестают издавать, это становится испытанием любви даже самого преданного читателя. Подобно тому, как мужа могут огорчить некоторые стыдливые привычки его жены, которые скрывают ее красоту, или женщина может хотеть, чтобы ее муж не так громко смеялся над собственными шутками, пусть шутки и очень хороши, я переживал из-за мелких недостатков, которые могли бы настроить потенциальных читателей против «Отчаянных характеров». Я имею в виду чопорность и безликость начального абзаца, сухость первого предложения, скрипучее слово «трапеза». Как поклонник этой книги, я теперь понимаю, что формальность и статичность этого абзаца настраивают на короткий и резкий последующий диалог («Кот вернулся»). Но что, если читатель так и не продвинется дальше «трапезы»? Я также размышлял, не покажется ли имя «Отто Бентвуд» сложным при первом прочтении.

В целом Фокс тщательно подбирает имена для своих персонажей – фамилия «Рассел», например, хорошо перекликается с беспокойной скрытой энергией Чарли (Отто подозревает его в «краже»¹ клиентов), и так же, как в характере Чарли явно чего-то недостает, в его фамилии не хватает второго «л». Я восхищаюсь тем, как старомодное, смахивающее на тевтонское имя «Отто» обременяет Отто, равно как и его собственная навязчивая склонность к порядку обременяет его самого; но фамилия «Бентвуд», даже после многих прочтений, остается для меня немного искусственной, как бонсай. А еще название книги. Оно, конечно, меткое, но всё же это не «День саранчи», не «Великий Гэтсби», не «Авессалом, Авессалом!» Это название, которое люди могут забыть или спутать с другими. Иногда, желая, чтобы название было сильнее, я чувствую то особенное одиночество, которое свойственно глубоко женатому человеку.

На протяжении многих лет я продолжал периодически пролистывать «Отчаянные характеры», ища успокоения или поддержки в красоте знакомых отрывков. Однако сейчас, вновь перечитывая книгу целиком, я поражен тем, как много в ней свежего и незнакомого для меня. Например, я никогда не обращал внимания на рассказанный Отто в конце книги анекдот о Синтии Корнфельд и ее муже, художнике-анархисте. Я никогда раньше не замечал, как салат из желе и пятицентовиков, который приготовила Синтия Корнфельд, высмеивает тождество Бентвудов «еда – привилегии – цивилизованность». Или как рассказ о печатных машинках, переделанных для изрыгания бессмыслицы, предваряет заключительный образ романа. Или что, как настаивает упомянутый анекдот, «Отчаянные характеры» нужно воспринимать в контексте современной арт-сцены, целью которой является разрушение порядка и смысла. А Чарли Рассел – *видел* ли я его до этого по-настоящему? В предыдущих прочтениях он оставался для меня чем-то вроде шаблонного злодея, перебежчика, пропадающего человека. Теперь он кажется мне почти таким же важным для истории, как и кот. Он единственный друг Отто; его телефонный звонок эскалирует финальный кризис; он приводит цитату Торо, давшую книге название; и он выносит зловеще точный приговор Бентвудам: они «увязли в тоскливом самоанализе, в то время как сам фундамент их привилегий выбивают у них из-под ног».

Однако сейчас, по прошествии лет, я не уверен, что мне вообще нужны новые детали. Как Софи и Отто страдают от слишком тесного знакомства друг с другом, так и я теперь страдаю от того, что слишком много знаю об «Отчаянных характерах». Мои заметки и несущественные сноски выходят из-под контроля. При последнем прочтении я пометил как жизненно важные и ключевые огромное количество ранее пропущенных образов порядка и хаоса, дет-

¹ Игра слов: фамилия Russel созвучна с глаголом rustling (англ.) – угонять, красть скот. – *Здесь и далее – примеч. пер.*

ства и взрослости. Так как книга не длинная, а я прочел ее уже полдюжины раз, я уже близок к тому, чтобы назвать *каждое предложение* жизненно важным и ключевым. Такое необычайное богатство, конечно же, – свидетельство гения Пола Фокса. В книге нет ни одного лишнего или случайного слова. Строгость и плотность логики такого масштаба не бывают случайными, писатель не может достичь их, одновременно позволив себе расслабиться, а своим персонажам – ожить. Перед нами роман, воспаривший над всеми остальными произведениями американской реалистичной беллетристики со времен Второй мировой войны.

Однако ирония такой насыщенности романа заключается в том, что чем лучше я понимаю значение каждого отдельного предложения, тем меньше я могу сформулировать, какому большому, глобальному смыслу служат все эти локальные значения. В конечном счете перегрузка смыслами вызывает некий ужас. Это сродни полному *отсутствию* смысла, как предлагает Г. Мелвилл в главе «О белизне кита» «Моби Дика». Отслеживание, расшифровка и упорядочивание смыслов жизни может поглотить собственно ее проживание. В «Отчаянных характерах» читатель не единственный, кто оказывается поглощенным. Сами Бентвуды – исключительно образованные, вполне современные существа. Их проклятие в том, что они слишком хорошо умеют читать самих себя – как литературные тексты, наполненные пересекающимися смыслами. В один зимний уикенд их поглощает и в конце концов полностью одолевает то, как самые обычные слова и мельчайшие происшествия могут казаться «предзнаменованиями». Огромное напряжение атмосферы книги является не просто следствием ужаса Софи, или того, что Фокс поэтапно отмечает все возможные пути к спасению, или того, как она отождествляет кризис в супружеских отношениях с кризисом в деловом партнерстве и кризисом американской городской жизни. Больше, чем что-либо другое, это напряжение – неспешно надвигающийся гребень сокрушительной волны литературного значения. Софи сознательно и открыто ссылается на бешенство как на метафору своего тяжелого эмоционального и политического положения, а когда Отто срывается и кричит о своем отчаянии, он не может избежать «цитирования» (в постмодернистском смысле) их с Софи предыдущего разговора о Торо, тем самым поднимая все остальные темы и диалоги, проходящие через те выходные, в частности, мучительный вопрос Чарли об «отчаянии». Как бы ни было плохо отчаяться, еще хуже быть в отчаянии и притом хорошо осознавать насущные вопросы общественного права и порядка, привилегий и их либертарианской интерпретации и чувствовать, будто сломавшись, ты подтвердишь правоту целой толпы Чарли Расселов. Когда Софи заявляет о своем желании заболеть бешенством, как и когда Отто разбивает чернильницу, они оба, кажется, восстают против невыносимого, почти убийственного ощущения *важности* своих слов и мыслей. Неудивительно, что последние действия книги лишены слов: Софи и Отто «перестают слушать» слова, звучащие из телефона, а когда медленно поворачиваются, чтобы прочитать, что написано чернилами на стене, они видят перед собой жестокую, бессловесную кляксу. Едва Фокс удается добиться потрясающего успеха в поиске порядка среди ничего не значащих событий одного зимнего уикенда, как она одним идеальным жестом отрекается от этого порядка.

«Отчаянные характеры» – это роман, восстающий против собственного совершенства. Вопросы, которые он поднимает, радикальны и неприятны. В чем суть смысла – особенно литературного смысла – в бешеном современном мире? Зачем создавать и сохранять порядок, если цивилизация так же убийственна, как и анархия, которой она противостоит? Почему бы не быть бешеным? Зачем мучить себя книгами? Перечитывая роман в шестой или седьмой раз, я чувствую всё нарастающую ярость и разочарование от его загадок, от парадоксов цивилизации, от недостатка собственных мозгов, а затем, словно из ниоткуда, до меня *доходит* концовка – я вдруг чувствую то, что чувствует Отто Бентвуд, когда швыряет чернильницу в стену, – и вот я уже снова по уши влюблен.

Джонатан Франзен
Январь 1999 года

Один

Мистер и миссис Бентвуд отодвинули стулья одновременно. Устраиваясь за столом, Отто внимательно разглядывал соломенную корзинку с ломтиками багета, глиняный горшочек с соте из куриной печени, очищенные и нарезанные ломтиками помидоры, выложенные на овальном блюде из китайского фарфора, которое Софи нашла в антикварной лавке в Бруклин-Хайтс, и ризотто миланезе в зеленой керамической миске. Яркий свет, несколько смягченный витражом цвета тиффани, освещал эту трапезу. На полу, в нескольких футах от обеденного стола, перед входом в кухню виднелся белый прямоугольник – отблеск флуоресцентной лампы, которая висела над кухонной раковиной из нержавеющей стали. Старые раздвижные двери, которые когда-то разделяли две комнаты первого этажа, давно были сняты, и, слегка обернувшись, Бентвуды могли окинуть взглядом гостиную, где в этот час всегда горела лампа под белым абажуром-полусферой, а при желании – и рассмотреть старинный кедровый паркет, увидеть отполированный угол викторианского секретера и заполненный книгами шкаф, где было и полное собрание сочинений Гёте, и две полки французской поэзии.

Отто задумчиво развернул большую льняную салфетку.

– Кот вернулся, – сказала Софи.

– Ты удивлена? – спросил Отто. – А чего ты ожидала?

Софи взглянула поверх плеча Отто на стеклянную дверь, которая выводила на маленькую деревянную веранду, нависавшую над задним двором, как воронье гнездо.

Кот с мягкой настойчивостью терся неряшливым тощим тельцем о дверь. Его шерстка была серой, как древесный гриб, и в тусклую полоску, а голова – огромной, целая тыква, с двойным подбородком, несуразная и нелепая.

– Перестань смотреть на него, – сказал Отто. – Не нужно было вообще его кормить.

– Наверное.

– Придется позвонить в Общество контроля животных.

– Бедняжка.

– Он прекрасно справляется. Все эти коты живут совсем неплохо.

– Возможно, их выживание зависит от таких людей, как я.

– Соте очень неплохое, – сказал он. – Кому какое дело, выживут они или нет.

Кот прыгнул на дверь.

– Не обращай на него внимания, – добавил Отто. – Ты хочешь, чтобы бродячие коты со всего Бруклина устроили паломничество к нашей двери? Представь, во что они превратят наш сад! На днях я видел, как один такой поймал птицу. Они не домашние котята, знаешь ли. Они разбойники.

– Как поздно теперь темнеет.

– День прибавляется. Надеюсь, местные не начнут опять тарабанить в свои проклятые бонго. Возможно, дожди зарядят как прошлой весной.

– Будешь кофе?

– Лучше чай. Дождь позапирает их по домам.

– Дождь не на твоей стороне, Отто!

– А вот и на моей, – улыбнулся он.

Она не улыбнулась в ответ. Когда она ушла на кухню, Отто быстро повернулся к двери. Кот таранил головой стекло. «Грязное отродье!» – буркнул Отто. Кот посмотрел на него и отвел взгляд. Дом казался Отто надежной крепостью; чувство надежности было похоже на руку, уверенно лежащую на его пояснице. На другом конце двора, за спиной суетящегося кота, виднелись окна трущоб. Некоторые были занавешены тряпками, другие – листами прозрачного пластика. С одного подоконника свисало голубое одеяло. В его середине зияла длинная про-

реха, сквозь которую Отто видел бледно-розовую кирпичную стену. Потрепанный край одеяла касался верхней рамы двери, которая, как только Отто собрался отвернуться, открылась. Толстая пожилая женщина в халате протиснулась из дома во двор и вывалила на землю содержимое большого бумажного пакета. На мгновение она задержала свой взгляд на этой куче мусора, потом зашаркала обратно. Вернулась Софи с чашками и блюдами.

– Я тут столкнулся на улице с Булленом, – сказал Отто. – Говорит, еще два дома проданы. – Он махнул рукой в сторону трущоб. Краем глаза он увидел, как кот подскочил, будто ему что-то бросили.

– Что происходит с людьми, когда их дома продают? Куда они деваются? Всегда было любопытно.

– Не знаю. Людей много, не уследишь.

– И кто купил эти дома?

– Храбрый энтузиаст с Уолл-стрит. А другой, мне кажется, художник, которого выселили из лофта в Нижнем Бродвее.

– Храбрости для этого не нужно. Нужны деньги.

– Рис был прекрасен, Софи.

– Смотри! Свернулся калачиком на крошечном карнизе. Как он туда втиснулся?

– Они как змеи.

– Отто, я только молока ему немного налью. Знаю, я вообще не должна была его кормить. Но сейчас он здесь. Мы уедем во Флиндерс в июне. А когда вернемся, он уже к кому-нибудь другому прибьется.

– Почему ты упираешься? Это какая-то блажь. Тебе же всё равно, если ты не видишь, как кот голодает. Чертова соседка только что вывалила весь свой мусор во двор. Почему бы коту не поесть там?

– Неважно, почему я это делаю, – сказала Софи. – Я вижу, как он страдает.

– Во сколько нам нужно быть у Гольштейнов?

– Около девяти, – сказала Софи, направляясь к двери с блюдцем молока. Она потянулась за маленьким ключом, который лежал на раме, и вставила его в замок. Затем повернула латунную ручку.

Кот сразу же замяукал и принялся лакать молоко. Из соседних домов донеслось слабое дребезжание тарелок и кастрюль, бормотание телевизоров и радио, но за общей какофонией их нельзя было различить поодиночке.

Огромная голова кота нависала над блюдечком мейсенского фарфора. Софи наклонилась, протянула руку и погладила его по спине, вздрогнувшей под ее пальцами.

– Вернись и закрой дверь! – недовольно сказал Отто. – Холодно.

Страдальческий лай собаки разорвал монотонное гудение вечера.

– Боже! – воскликнул Отто. – Что они делают с этим животным?

– Католики верят, что у животных нет души, – сказала Софи.

– Эти люди не католики. О чем ты вообще говоришь! Они все ходят в пятидесятническую церковь в конце улицы.

Кот облизывал усы. Софи снова повела рукой по его спине, пока пальцы не уперлись в изгиб, где вздымался хвост. Кот судорожно изогнул спину, прижался к ее руке. Она улыбнулась, размышляя, как редко этому животному доводилось испытывать дружелюбное человеческое прикосновение – скорее всего, никогда. Она всё еще улыбалась, когда кот вдруг вскочил на задние лапы, выпустил когти и бросился на нее; она улыбалась вплоть до той секунды, пока он не вонзил свои зубы в тыльную сторону ее левой ладони и не вцепился так крепко, что Софи почти упала ничком, ошеломленная и испуганная; помня, что рядом Отто, она душила крик, рвущийся из ее горла, и пыталась выдернуть свою руку из этого клубка колючей проволоки. Она отбивалась другой рукой, по ее лбу струился пот, ее плоть расплзлась и растягивалась,

она говорила: «Нет, нет, прекрати!», как будто кот всего лишь попросил еще еды, и в вихре боли и ужаса она изумлялась, как спокойно звучит ее голос. Затем в одно мгновение клыки разжались, когти отцепились, сначала как будто для того, чтобы нанести еще один удар, но кот развернулся – прямо в воздухе, – спрыгнул с крыльца и растворился в сумерках.

– Софи? Что случилось?

– Ничего, – сказала она. – Пойду заварю чай.

Она прикрыла дверь на террасу и быстро прошла на кухню, держась к Отто спиной. Ее сердце колотилось. Она попыталась глубоко вдохнуть, чтобы усмирить этот стук, и слегка удивилась тому, что ей стыдно – как будто ее застукали за каким-то подлым поступком.

Стоя у раковины на кухне, стискивая руки, она говорила себе, что это ерунда. Длинная царапина в основании ее большого пальца медленно кровоточила, но из укуса кровь текла ручьем. Она включила воду. Кожа на руках выглядела сухой; маленькие пятна, похожие на веснушки, которые начали появляться зимой, побледнели. Она облокотилась на раковину, гадая, упадет ли сейчас в обморок. Помыла руки хозяйственным мылом. Лизнула кожу, ощущая вкус мыла и крови, и накрыла место укуса бумажным полотенцем.

Когда она вернулась с чаем, Отто листал рабочие бумаги в синих папках. Он мельком взглянул на нее, она посмотрела в ответ с нарочитым спокойствием и поставила перед ним чашку – правой рукой, держа другую за спиной. Отто выглядел слегка озадаченным, как будто услышал звук, который не смог опознать. Чтобы предотвратить вопросы, она спросила, не хочет ли он фруктов. Он сказал нет, и опасность миновала.

– Ты оставила дверь открытой. Ее нужно запирать, Софи, иначе она будет распахиваться.

Она снова прикрыла дверь и повернула ключ. Сквозь стекло она увидела блюдечко. На нем уже лежало несколько пятен сажи. Она бросила курить еще осенью, и, кажется, зря. «Я не могу сейчас снова открыть дверь», – сказала она сама себе.

– Конеч, – сказал Отто и вздохнул. – Все-таки это конец.

– Какой конец?

– Глухая Софи. Ты и правда совсем меня больше не слушаешь. Чарли сегодня переехал в новый офис. И до сегодняшнего утра он даже словом не обмолвился, что нашел место. Сказал, хочет начать с чистого листа. «Если мне понадобятся какие-то файлы, мне можно будет к тебе обратиться?» Так и спросил. Видимо, предполагая, что я поведу себя неразумно.

Она сидела, держа левую руку на коленях.

– Ты мне ничего не рассказывал об этом, – сказала она.

– Да и нечего было рассказывать. Последний год мы ни о чем с ним не могли договориться, ни о чем. Если я говорил, что пойдет дождь, Чарли оттопыривал нижнюю губу и говорил, что нет, дождя не будет. Мол, он внимательно прочитал прогноз погоды и знает, что день предстоит ясный. Мне уже давно надо было понять, что характеры людей не меняются. Я сделал всё, что мог.

– Вы так долго вместе работали. Как же до этого дошло?

– Меня не волнует, что он привел этих новых людей, клиентов. Я-то знаю, что всегда творилось в офисе. Я делал всю утомительную работу, пока Чарли бил баклуши и всех ошеломлял своим обаянием. Всё, на что он способен, – низводить закон до шуточек, и многие на это покупаются.

– Будет тяжело общаться с ними теперь. Как думаешь? С Рут мы никогда не были близкими подругами, но ладили. Как можно просто перестать общаться с людьми? Что будет с лодкой?

– Ты просто перестаешь с ними общаться, и всё. Зима выдалась крайне неудачная. Ты бы видела всех этих людей у нас в приемной – армия нищих. Сегодня он заявил мне, что величественность нашего офиса подавляет некоторых его клиентов, и им будет гораздо комфортнее в его новой конторе. Потом он сказал, что я прогорю и закроюсь, если не настроюсь, как он

выразился, на новую волну. Боже! Ты бы слышала его, прямо святой! Кто-то из его клиентов обвинил нашу секретаршу в расизме, потому что она попросила его тушить окурок в пепельнице, а не втыкать в ковер. А сегодня ему помогли паковать его чертовы коробки два мужика – на вид настоящие шпионы из комикса. Нет, мы не будем с ними общаться, и он может оставить себе эту лодку. Мне она никогда была не нужна. Одна морока с ней.

Софи поморщилась, почувствовав волну острой боли. Он нахмурился, и она поняла: он подумал, будто она с ним не согласна. Надо сказать ему сейчас, какая разница. Вся эта история с котом – какая-то глупость. Сейчас, по прошествии получаса, она уже удивлялась, вспоминая свой ужас и чувство стыда.

– Кот меня оцарапал, – сказала она.

Он тут же встал и обошел вокруг стола.

– Позволь, я взгляну.

Она подняла руку. Было больно. Он коснулся нежно и обеспокоенно. У нее мелькнула мысль, что Отто рад выказать сочувствие лишь потому, что кот подтвердил правоту мужа насчет бродячих животных.

– Ты ее промыла? Помазала чем-нибудь?

– Да, да, – нетерпеливо ответила она, глядя, как кровь просачивается сквозь салфетку, и думая, что, если бы кровотечение прекратилось, то и говорить было бы не о чем.

– Мне жаль, дорогая. Но кормить кота изначально была плохая идея.

– Нет, не была.

– Тебе больно?

– Немного. Как укус комара.

– Постарайся не трогать руку какое-то время. Почитай газету.

Он убрал со стола, поставил тарелки в посудомоечную машину, переложил остатки печени в контейнер и замочил горшочек. Прибираясь, он время от времени оглядывался на Софи, которая сидела очень прямо, газета на коленях. Он был странно тронут ее необычной неподвижностью. Она как будто к чему-то прислушивалась, чего-то ждала.

Софи сидела в гостиной и смотрела на первую полосу газеты. В руке начало пульсировать. Это всего лишь рука, говорила она себе, но чувствовала, что каким-то необъяснимым образом это повлияло на всё ее тело. Как будто она была смертельно ранена.

В гостиную зашел Отто.

– Что ты наденешь? – спросил он радостно.

– Платье Пуччи, – ответила она, – хотя мне кажется, я слишком поправилась, чтобы его носить. – Она встала. – Отто, почему он меня укусил? Я его гладила.

– Ты же сказала, что он тебя оцарапал.

– Это неважно... Почему он это сделал?

Они подошли к лестнице. Сквозь стеклянный с пузырьками викторианский шар, свисавший с потолка, струился мягкий маслянистый свет и сверкал на перилах из красного дерева. Они с Отто трудились целую неделю, снимая старую черную краску с перил. Это первое, что они сделали, когда купили этот дом.

– Потому что он зверь, – сказал он. – Потому что ему от тебя нужна была только еда.

Он поставил ногу на первую ступеньку и сказал, вроде как раздумывая вслух:

– Одному мне будет лучше.

– У тебя всегда были собственные клиенты, – раздраженно проговорила она, сжимая и разжимая свою пораненную руку. – Не понимаю, почему вы не можете продолжать работать вместе.

– Сплошная мелодрама... Я не могу так жить. А он без нее не может. Если я не с ним, то я против него. Я не отрицаю, многим сейчас непросто. И не утверждаю, что в мире есть хоть какая-то справедливость. Но я знаю Чарли. Он использует этих людей и их проблемы. Он

просто не хочет остаться за бортом. А я хочу остаться за бортом. Ох... всему когда-то приходит конец. Мы сделали друг для друга всё, что могли. Правда в том, что он мне больше не нравится.

– Интересно, как он себя чувствует?

– Как Пол Муни², защитник сирых и убогих. Таких адвокатов не существует в природе. Помнишь? Все эти фильмы 30-х годов? Молодые врачи и адвокаты отправляются в захолустье и просвещают всю эту деревенщину?

– Пол Муни! Чарли прав, – сказала она, – ты из прошлого века.

– Так и есть.

– Но Чарли не *плохой*! – воскликнула она.

– Я не говорил, что он плохой. Он безответственный, тщеславный и истеричный. Это не значит, что он плохой.

– Безответственный! Что значит безответственный?

– Замолчи! – сказал Отто. И обнял ее.

– Осторожно! – сказала она. – Я тебя кровью испачкаю!

² Пол Муни – американский актер, лауреат премии «Оскар» 1937 года. Сыграл главную роль в классическом гангстерском фильме 1932 года «Лицо со шрамом». В 1983 году Брайан де Пальма снял ремейк этого фильма с Аль Пачино в главной роли.

Два

Не дойдя до нижней ступеньки, Отто по привычке остановился и оглянулся на свой дом. Его тянуло обратно. Он жаждал открыть дверь, которую только что запер, чтобы *застать* дом пустым. Он подумал, что это чувство немного похоже на желание присутствовать на собственных похоронах.

В квартале Бентвудов каждый дом за редким исключением занимала одна семья. Здания последней трети девятнадцатого века были построены из кирпича или бурого песчаника. Кое-где проглядывал голый кирпич, и этот матово-розовый румянец на стенах приносил дух античной безмятежности. Окна гостиных выходили на улицу, в большинстве – белели жалюзи. В тех домах, где хозяева пока не могли их себе позволить, ткань скрывала от посторонних глаз жизнь за новыми стеклопакетами. Эти отрезки ткани, хотя и были временной мерой, имели определенный стиль, отражали своего рода заблаговременность и вкус и были совсем не похожи на те лохмотья, которые свисали из окон трущоб. Хозяева домов на этой улице жаждали признания своего превосходства – мол, они-то понимают, что важно в этом мире, и знают путь к желаемому – извилистый и требующий терпения.

Один многоквартирный дом еще оставался, но девять его арендаторов жили очень тихо, почти украдкой, как последние члены иностранного анклава, которые со дня на день ожидают депортации.

Бельмом на глазу для всех соседей был дом, облицованный желтой плиткой. Ответственной за такое безвкусие считалась итальянская семья, которая жила в этом квартале в его худшие времена и в конце концов съехала на следующий же день, как был разбит последний уличный фонарь.

На кленах, которые в прошлом году высадила ассоциация жильцов, набухали почки. Но полноценное освещение на улице еще не восстановили, и, несмотря на телефонные звонки, письма, петиции в мэрию и отделение полиции, полицейские сюда почти не заглядывали, разве что проезжали мимо на патрульной машине по дороге в трущобы. Ночью улица выглядела спокойной и серьезной, как будто пыталась стать лучше в темноте.

Везде валялся мусор – волна, которая накатила, но не совсем отступила. Пивные банки и бутылки из-под алкоголя, конфетные фантики, смятые сигаретные пачки, рваные упаковки от стирального порошка, тряпки, газеты, бигуди, веревки, пластиковые бутылки, по ботинку тут и там, собачьи экскременты. Однажды, с отвращением глядя на тротуар перед домом, Отто сказал, что никакая собака не могла оставить это.

– Как думаешь, они приходят сюда гадить по ночам? – спросил он Софи.

Она промолчала и только искоса, посмеиваясь, взглянула на него. Вот бы он обалдел, подумала Софи, расскажи она в ответ, что в детстве вместе с друзьями развлекалась опорожняющая кишечник (так говорила ее мать) на свежем воздухе, пока всю компашку не застукали на корточках под кустом сирени. Софи на час заперли в ванной, чтобы, как выразилась ее мать, она внимательно изучила сосуд, предназначенный для отправления подобных нужд.

Гольштейны жили в Бруклин-Хайтс на Генри-стрит, в десяти кварталах от Бентвудов. Отто решил не брать машину, чтоб не потерять парковочное место у дома, и пусть Софи не очень хотелось идти пешком – ее подташнивало, – она не стала настаивать на автомобильной поездке. Отто подумает, что последствия кошачьего укуса гораздо серьезнее, чем на самом деле. Лучше не преувеличивать, себе дороже. И за свою глупость она заслуживает хотя бы маленького наказания.

– *Почему* они всё бросают на землю? – со злостью спросил Отто.

– Повсюду эта упаковка. Оберточное бешенство.

– Это просто провокация. Вчера я наблюдал, как один цветной пнул мусорный бак. Тот выкатился на улицу, а он уперся руки в боки и захохотал. А сегодня утром я видел, как мужик, у которого из окна вечно свисает одеяло, помочился из окна на двор, стоя на кровати.

Медленно проехала машина; стекло опустилось, из окна высунулась рука и мягко отпустила смятую бумажную салфетку. Софи рассмеялась.

– Американцы, – пробормотал Отто, – тихонько раскидывают свое дерьмо, где бы ни оказались.

Они пересекли Атлантик-авеню и направились на запад, проходя мимо арабских магазинов, витрины которых похвалялись кожаными диванами и кальянами, и арабских пекарен, пахнущих кунжутной пастой. Тонкий восточный вопль вырвался из магазина размером не больше шкафа. Внутри трое мужчин уставились на проигрыватель пластинок с ручным приводом. Софи остановилась у иорданского ресторана, где только на прошлой неделе Бентвуды ужинали с Чарли Расселом и его женой. Сквозь осыпающиеся золотые буквы на стекле она видела столик, за которым они сидели.

– Как же так? В тот вечер все казались такими дружелюбными, – тихо сказала она.

– Так и было. Когда мы решили прекратить партнерство, разговаривали дружелюбней некуда. Но на этой неделе...

– Конечно, вы никогда не были полностью во всем согласны, но всё ведь шло нормально.

– Да, согласия не было.

Внезапно она вскрикнула и взмахнула рукой.

– Что такое? – спросил он.

– Ты задел ее.

Они остановились под фонарем, Отто притянул ее руку, осматривая.

– Опухла, – сказал он. – Выглядит ужасно.

– Ничего страшного, просто чувствительная.

Кровотечение остановилось, но края раны набухли.

– Я думаю, тебе нужно сходить к врачу. Сделать хотя бы прививку от столбняка.

– В каком смысле «хотя бы»? – раздраженно воскликнула она.

– Да прекрати уже так себя вести.

Они свернули на Генри-стрит. Отто с удовольствием отметил, что здесь мусора было не меньше, чем у них в квартале. Он бы не стал покупать дом в Хайтс... чудовищно раздутые цены, улыбочки продавцов в пыльных осыпающихся комнатах, «только представьте, во что вы сможете превратить эту деревянную отделку!» – все понимают, что это уловка, попытка распалить жадность, животную жадность, хватай, пока можешь, цена в изящном кружеве приятных слов, ипотека как прогрессирующая болезнь, «я живу в Хайтс». Само собой, квартал Бентвудов был того же уровня, но Отто отчаянно боялся, что спекулянты теперь рассматривают их собственность как второсортную. Отто ненавидел риелторов, ненавидел их грязные судебные тяжбы. Это было единственное, по поводу чего они с Чарли сходились во мнениях. Он вздохнул, вспоминая копа, который на прошлой неделе зашел проверить их регистрацию как избирателей и сказал Отто: «Этот район взял себя в руки, совсем не похож на то, что было здесь два года назад. Вы, ребята, молодцы!» И Отто испытал убийственное удовлетворение.

– О чем ты вздыхаешь? – спросила Софи.

– Не знаю.

Бентвуды зарабатывали много. У них не было детей, и, поскольку им обоим недавно перевалило за сорок (Софи была на два месяца старше Отто), они их и не ждали. Они могли купить практически всё, что хотели. У них был седан «Мерседес-Бенц» и дом на Лонг-Айленде – в долгосрочную ипотеку, которая совсем не обременяла. Он стоял на лугу недалеко от деревни Флиндерс. Как и их бруклинский дом, он был небольшим, но на век старше. За ремонт Отто заплатил наличными из накоплений. Через семь лет он будет полностью принадлежать им, и

за всё это время тут выдалось лишь одно неприятное лето. Тогда трое геев арендовали амбар неподалеку и слушали записи Джуди Гарленд ночи напролет. Они ставили свой портативный проигрыватель в цементную купальню для птиц на старом коровьем пастбище. И при лунном свете в тумане над лугом разносился голос Джуди Гарленд, бухая по голове Отто, как кулак в доспехах. В том же сентябре он выкупил амбар. Когда-нибудь он превратит его в гостевой дом. Сейчас там живет парусная лодка, которой они владели на двоих с Чарли Расселом.

– Я думаю, что просто отдам лодку Чарли, – проговорил он, пока они поднимались по ступенькам к двери Гольштейнов. – Я даже не помню, сколько денег каждый из нас в нее вложил.

– Где он собирается на ней ходить? – спросила Софи. – В Бауэри³?

Это из-за чертова укуса она такая нервная, думал он, а когда она нервничает, ее самое ценное качество – уравновешенность – пропадает. Она вся как будто сжалась физически. Он нажал на звонок под солидной черной пластиной с надписью «ДОКТОР МАЙРОН ГОЛЬШТЕЙН». Он хоть и психоаналитик, но должен что-то знать об укусах животных, сказал ей Отто, но Софи ответила, мол, не хочет лишнего внимания. Уже стало получше.

– Пожалуйста, не поднимай эту тему. Просто скажи, что я хотела бы уйти пораньше...

Дверь открылась.

В бриллиантовом свете бра в гостиной Фло Гольштейн бродило множество народу, словно в разгар распродажи. С полувзгляда Софи вычислила среди этого множества тех, кто оказался в доме впервые. Эти немногие исподтишка разглядывали мебель и картины. Ни одной копии – настоящий Мис ван дер Роэ, настоящая королева Анна, настоящие Матисс и Готтлиб.

Фло спродюсировала два успешных мюзикла. Пациентами Майка Гольштейна были преимущественно писатели и художники. Софи он нравился. Отто говорил, что Майк страдает от культурного отчаяния. «Он ненавидит собственное ремесло, – говорил Отто. – Он как кинозвездочка, объявляющая, что изучает философию в Калифорнийском университете».

Софи почувствовала – ее лицо обняли сильные, похожие на лопаты, ладони доктора Гольштейна – как всё напряжение последних двух часов отпускает ее, будто ей дали легкое сновидное.

– Соф, дорогая! Привет, Отто. Софи, потрясающе выглядишь! Это платье Пуччи? Какое счастье, что ты не трогаешь свои волосы. С этим стилем ты похожа на грустную красавицу из 30-х годов. Ты ведь в курсе? – он поцеловал ее так, как целуют чужие мужья: в щеку, сухими губами и церемонно.

Он не знал о ней ровным счетом ничего, даже спустя десять лет, но ей нравилась атмосфера близкого знакомства; лесть, которая ни к чему не обязывала. Ей нравилось его несколько помятое лицо, облегающие английские костюмы, которые он покупал у лондонского продавца, приезжающего в город каждый год, чтобы принять заказы, и его итальянские туфли, которые, по его словам, были частью его образа соблазнителя. Он не был соблазнителем. Он был отстранен. Он был похож на человека, появление которого в комнате предваряется выступлением акробатов.

Несмотря на свое решение ничего не говорить, она вдруг осознала, что шепчет ему в шею.

– Случилось нечто ужасное... Я придаю этому слишком большое значение, я знаю, но это кошмар...

Пока он провожал ее на кухню, какой-то мужчина схватил Отто за руку, что-то прокричал и утащил его к компании у камина. На кухне Фло наспех ее чмокнула и отвернулась к огромному оранжевому горшку, стоящему в духовке на уровне глаз. Двое мужчин – один из них задумчиво всматривался в раковину, открывая и закрывая воду, – даже не подняли головы.

³ Бауэри – район в Нью-Йорке на острове Манхэттен в трех километрах на юг от Эмпайр-стейт-билдинг, находится между Нижним Манхэттеном и Нижним Ист-Сайдом.

- Что случилось? Ты будешь джин со льдом? – спросил Майк.
- Меня укусил кот.
- Покажи.

Она подняла руку. Расслабленные пальцы выглядят как-то жалко, подумала она. С тех пор как они с Отто осматривали руку под уличным фонарем, она, похоже, опухла еще сильнее. И появился желтоватый оттенок.

- Слушай, это нужно показать врачу!

– Да ну, пустяки. Меня же не в первый раз кусают животные, – запротестовала она, хотя на самом деле это был первый раз. – Ужасно вышло, – добавила она, слегка споткнувшись о свою ложь, – потому что я кормила это проклятое чудовище, а оно набросилось на меня.

- За много лет не зафиксировано ни одного случая бешенства, но...

– Нет, – сказала она. – Кот был идеально здоров, точно говорю. Мне можно верить. Я ведь практически святая, приручающая диких существ.

- Майк! – воскликнула Фло. – Откроешь дверь, ладно? Так, что ты пьешь, Софи?

– Пока ничего, – ответила Софи. Майк вышел, похлопав ее по спине и кивнув, показывая, что скоро вернется. Один из парней начал расчесывать волосы. Софи пошла в вытянутую гостиную. Телекомик, которого она раньше встречала у Гольштейнов, разглагольствовал перед сидящими гостями, а те не обращали на него особого внимания. Он крайне самоуверенно вещал, что не может есть кашу с тех пор, как отрастил бороду, потому что иначе выглядит как свинья. Никто в ответ не засмеялся, он погладил растительность у себя на щеках и подбородке и воскликнул:

– Кроме шуток! Это потрясная тема, ребята. Волосы – стоящая штука! Я хочу жить, и любить, и быть собой. Вот и всё послание. Seriously.

Он был низенький и пухлый, кожа лоснилась от жира.

– Очень гойская вечеринка, – сказал кто-то за плечом Софи. Она обернулась и увидела молодую пару лет двадцати. На девушке белый кожаный костюм; молодой человек – в военном кителе, с пуговицами в виде глазных яблок, которые глядели из ниоткуда в никуда. Его выющиеся волосы торчали во все стороны кошмарным колесом святой Екатерины⁴. Девушка была красива – молодая и чистая. Янтарные волосы ниспадали до талии. На одной лодыжке – тяжелый браслет.

- Я видела по крайней мере троих евреев, – сказала Софи.

Они не улыбнулись.

- Ваши вечеринки поучительны, – сказала девушка.

- Это не моя вечеринка, – ответила Софи.

– Нет, ваша, – рассудительно произнес молодой человек. – Типичная для вашего поколения.

- О Боже! – улыбнулась Софи.

Они посмотрели друг на друга. Молодой человек коснулся волос девушки:

- Она злая, правда?

Девушка медленно кивнула.

– Вы, наверное, друзья юного Майка? – спросила Софи. Юный Майк с трудом продирался к диплому городского колледжа Нью-Йорка и в конце каждого семестра наполнял дом Гольштейнов ужасом. Получится ли у него восстановиться еще раз?

– Давай уйдем, – предложил молодой человек. – Нам еще нужно навестить Люка у Святого Луки.

- В больнице? – спросила Софи. – Сейчас уже слишком поздно для посещений.

⁴ Колесо святой Екатерины – орудие казни колесованием, обычно утыканное шипами.

Они посмотрели так, будто только что ее заметили, и мягко выплыли из гостиной, не оглядываясь.

– Красивый браслет! – крикнула Софи вслед. Девушка оглянулась из коридора. На секунду показалось, что она сейчас улыбнется.

– Мне больно носить его, – прокричала она в ответ. – Стоит пошевелиться – сразу больно.

Отто был прижат к стене и вынужденно разглядывал нависающий над ним подбородок мощной женщины в пиджаке и брюках. Она была английским драматургом, подругой Фло, писала исключительно в стихах. Пробираясь к ним, Софи заметила, что Отто держит одну руку за спиной, прижимая ее к деревянной обшивке.

– Мы все умираем от скуки, – говорила женщина. – Вот почему война, почему убийства, почему «почему». Скука.

– Молодые умирают от свободы, – сказал Отто деревянным голосом. Софи поймала его взгляд. Он едва заметно покачал головой.

– Молодежь спасет нас, – сказала женщина. – Нас спасет, слава мертвому Богу, молодежь.

– Они умирают от того, чем пытаются излечиться, – сказал Отто.

– Да ты ретроград! – сказала женщина, склоняясь, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Привет, Сьюзен, – сказала Софи. – Я сейчас слышала, кто-то сказал: «Я навалилась». Что бы это значило? – Она подозревала, что на ее лице читается фальшивое лукавство. В ее словах было скрыто оскорбление, и она надеялась, что Сьюзен почувствует это.

– Сегодня, – великодушно объяснила Сьюзен, – это означает, что либо ты завалилась к кому-то переночевать на диване, либо тебя очень сильно накурили. – Она кивнула Отто и отошла. Сьюзен редко разговаривала с мужчинами, когда рядом были другие женщины.

– Боже мой! – воскликнул Отто. – Остановить ее словесный поток – всё равно что попытаться подсунуть газету под собаку, которая собралась погадить.

– Я ненавижу, когда ты так говоришь! И с годами становится только хуже. Я не выношу это злобное, примитивное...

– Где твой бокал?

– Я не пью, – ответила она раздраженно. Он растерянно стоял прямо перед ней, закрывая обзор. Он услышал ее, услышавшую его, и в нем зашевелилась совесть. Она это видела – и тоже раскаивалась, что нагрубил. Мгновение они пристально вглядывались друг другу в глаза. «Пуговица болтается», – дотронулась она до его пиджака. «Я принесу тебе что-нибудь...» – ответил он, но не сдвинулся с места. Они предотвратили то, что происходило обычно; ненадолго они почувствовали между собой какую-то новую, неизвестную силу. Она пыталась придумать ей название, но ощущение уже ускользало, и как только она забыла, что вообще пыталась вспомнить, он неожиданно оставил ее. Она прижала ладонь к стене. Похоже на укусы тарантула. Кожу покалывало. Бешенство... никто никогда не заражается бешенством, кроме какого-нибудь деревенского мальчика с юга.

– Софи, иди сюда, – позвал Майк и повел ее наверх в большую спальню. Кровать была накрыта пледом с греческим орнаментом, у камина стояла мексиканская керамическая лошадь. На одном из прикроватных столиков лежала гора детективов в дешевых ярких, как конфетные обертки, суперобложках.

– Кто это читает? Ты или Фло?

– Я, – ответил он, вздыхая. Выглядел он очаровательно. – Это в моем вкусе. Сильные мужчины. Трепещущие женщины... ум убийцы выставлен на всеобщее обозрение, как содержимое детского пенала с карандашами.

– Ты читаешь что-то не то.

– Всё новое – хорошо забытое старое. А эта фальшивая сложность – всего лишь другой вид пенала.

– Что же будет? – вырвалось у нее. – Всё катится в тартарары...

– Сядь на минутку и помолчи! Я хочу позвонить парочке врачей, посмотрим, смогу ли я кого-нибудь поднять. Правда ночь не лучшее время для этого.

Он сидел на краешке кровати и набирал номер, другой рукой придерживал адресную книгу, телефонная трубка пристроилась между плечом и шеей. Он с кем-то разговаривал, но она не вслушивалась в слова. Она расхаживала по комнате. Зеленое шелковое платье-халат брошено поперек оттоманки. На каминной полке несколько маленьких доколумбовых статуэток свирепо уставились с пустой злобой в противоположную стену, и кажется, будто они стоят на пороге комнаты, собираясь войти и разграбить ее.

– Везде автоответчики, – сказал Майк, кладя трубку. – Нет смысла оставлять наш номер. Послушай, я хочу, чтобы ты пошла в больницу. Это в шести кварталах отсюда, и там неплохой травмпункт. Они тебе всё сделают, и ты хотя бы спокойно поспишь ночью.

– Ты знал, – спросила она, – что Сервантес хотел поехать в Новый Свет, в Новую Испанию, а король написал на его прошении: «Нет, передайте ему, пусть найдет работу здесь». Забавная история, да?

Он смотрел на нее, не шевелясь, руки сложены, плечи сгорблены – должно быть, именно так он слушает своих пациентов, подумала она, – как будто ожидает удара в спину.

– Это просто история... – добавила она.

– Как ты?

– Я хотела бы быть еврейкой, – сказала она. – Тогда бы я умерла как еврейка.

– Ты умрешь как протестантка.

– Их осталось не так много.

– Ну, тогда как иноверка. Я спросил, как ты? Работаешь сейчас над чем-нибудь?

– Я не хочу работать; это бессмысленно. Множество людей справятся лучше, чем я. Мне прислали роман для перевода, но я его не поняла, даже на французском. Он просто раздражал меня. И потом, мне не *нужно* работать.

– Прочитай мне что-нибудь из Бодлера, – попросил он.

– *Je suis comme le roi d'un pays pluvieux, riche, mais impuissant, jeune et pourtant très vieux...*⁵

Она прервалась и рассмеялась.

– О, да тебе нравится! Ты бы видел себя! Подожди! Вот! – она схватила ручное зеркальце с письменного стола и поднесла к его лицу. Он посмотрел на нее поверх зеркала.

– Я сейчас тебя шлепну, – проговорил он.

– Нет, нет... ты не понимаешь. Мне нравится, что я могу просто процитировать несколько строчек и твое лицо вот так изменится!

– Беспомощное блаженство, – сказал он, вставая.

– Ты в курсе, что Чарли и Отто больше не партнеры?

– Отто мне ничего не рассказывает.

– Они больше не могут найти общий язык, – сказала она, возвращая зеркальце на место и поворачиваясь к Майку. – Это полностью изменит нашу жизнь, и в то же время кажется, будто ничего не случилось.

– Это не изменит твою жизнь, – сказал он с некоторым нетерпением. – Возможно, твои планы, но не жизнь. Чарли, насколько я его припоминаю – раненое сердце, жаждущее любви. Это ведь у него лицо красивого ребенка, да? Или я путаю его с одним своим пациентом? А Отто – сама сдержанность. Потому машина и не работает больше, – он пожал плечами.

⁵ Я – сумрачный король страны всегда дождливой, / Бессильный юноша и старец прозорливый ... (фр). Цитата из стихотворения «Сплин» Ш. Бодлера, перевод Эллиса (Л. Л. Кобылинского).

– Правда в том... – начала она и замолчала. Он ждал. – Это была не машина, – быстро добавила она. – Какое ужасное определение того, что происходит между людьми.

– Что ты начала говорить?

– Ты хочешь сказать, что всё, что между ними было, – это механическое единство противоположностей, Майк?

– Ну, хорошо, всё не так. Слова не имеют значения. Не похоже, что Отто расстроен.

– Нам лучше вернуться вниз, – сказала она.

Но он отошел к окну и замер, уставившись на пол. Когда он поднял голову, она увидела, что он разглядывал. Она приблизилась. Они вместе смотрели на камень, лежащий на полу. Вокруг были рассыпаны осколки стекла. Майк их собрал. Получилась целая пригоршня.

– Должно быть, занавески приглушили звук, – сказал он. Они выглянули на улицу; в оконном стекле на уровне бровей Майка зияла дыра. – Похоже, совсем недавно бросили. Я поднимался час назад за аспирином для кого-то из гостей и задержался на этом самом месте, не помню почему, но точно знаю, что камня тогда здесь не было.

Внизу по улице шел человек, рядом с ним волочился щенок сенбернара. Во всех окнах домов напротив сияли огни. В припаркованной машине вспыхнул свет. Майк и Софи молча наблюдали, как водитель исследует содержимое бардачка. Прогромыхал грузовик с газетами.

– Не говори об этом Фло. Я всё уберу. Кто же это натворил? И что теперь делать мне? – Он тряхнул головой. – Ладно, ничего страшного, – он улыбнулся и мягко погладил ее по руке. – Софи, хочешь я позвоню своему другу? Другу, которого я очень уважаю? Первоклассному специалисту? Сотруднику Института? – он поднял камень, снова выглянул в окно.

– Спасибо, Майк, но нет.

– Сходи хотя бы в больницу, – сказал он, не глядя на нее. На мгновение она задержала на нем взгляд и вышла из комнаты. Отто ждал ее внизу лестницы с бокалом в руке. Он протянул его ей навстречу.

– Имбирный эль, – сказал он.

Три

– Я устал от вечеринок, – сказал Отто в такси. – Так скучно. Скучно говорить про кино. Мне плевать на Фреда Астера, и ему плевать на меня. Еще меньше меня волнует Феллини. Фло важничает только потому, что дружит с актерами.

– Почему ты сказал, что не смотрел «Смерть берет выходной»? Я знаю, ты видел его, мы же вместе ходили. И ты был без ума от Эвелин Венейбл. Ты говорил о ней неделями... эти скулы, этот голос, ты сказал, что она выглядит так, как должна была бы выглядеть Эмили Дикинсон... неужели ты не помнишь?

– Боже мой!

– И еще ты сказал, что Фредрик Марч – это идеальное воплощение американской идеи смерти, рассеянный франт в черном плаще.

– Твоя память забита вот этим всем? – удивился он.

– Ты заснул, и все догадались, что ты спишь. Майк толкнул меня и сказал отвезти тебя домой.

– Вы все там соревновались, кто больше вспомнит. Всё это только доказывает, что мы очень старые.

– Ну постарался бы.

– Что ты делала наверху с Майком?

– Он звонил знакомым врачам насчет моей укушенной руки.

– Он считает, тебе нужно сходить на прием? – взволнованно спросил он.

Она подняла руку.

– Смотри, как опухла! – Она согнула пальцы и охнула. – Может, сделать компресс и опухоль сойдет?

– Что сказал доктор?

– Ни одного врача не было на месте. Теперь, знаешь ли, нельзя просто взять и вызвать доктора. Ты не знал, что эта страна разваливается?

– Если ты не можешь дозвониться до врача в пятницу вечером, это не значит, что страна разваливается.

– Именно это и значит. У них в спальне лежал камень. Кто-то бросил его им в окно. Видимо, прямо перед нашим приездом. Поднял камень и швырнул его в окно! – пока Софи говорила, она взяла мужа за руку, и теперь, когда замолчала, с силой стиснула ее, как будто только так могла передать всю тяжесть своих мыслей.

– Это ужасно, – сказал он. Такси притормозило. Отто убедился, что они у дома. Расплатился с водителем. Софи, внезапно взбудораженная смутным, но стойким осознанием, будто она понимает, что не так с этим миром, взбежала по ступенькам. Но ей пришлось ждать Отто: у нее не было ключей. Он поднимался медленно, разглядывая сдачу у себя в руке. Волна энергии, накрывшая Софи и пронзившая почти до боли всё ее существо, мгновенно сошла на нет. Как только они вошли в темную прихожую, зазвонил телефон.

– Кто?.. – начал он.

– В такой поздний час, – проговорила она, пока Отто шел к телефону. Но он к нему не притронулся. Раздалось еще три звонка, и тогда Софи бросилась вперед и схватила трубку. Отто пошел на кухню и открыл холодильник. – Да? – услышал он ее голос. – Алло, алло, алло?

Никто не ответил, но в трубке слышался слабый пульс, будто бы у темноты был голос, глухо стучащий в проводах. Потом она расслышала выдох.

– Какой-то дегенерат, – громко сказала она.

Отто, с куском сыра в одной руке, махнул ей другой:

– Повесь трубку! Бога ради, повесь!

– Дегенерат, – повторила она в телефон. – Американский идиот.

Отто сунул сыр в рот, а потом выхватил у нее трубку и с грохотом повесил на место.

– Не понимаю, что с тобой происходит! – воскликнул он.

– Так спроси, – сказала она и заплакала. – Этот кот меня отравил.

Они, не сговариваясь, обернулись к задней двери.

– Господи, он вернулся! – ахнула она.

Серая тень сжалась в комок у двери, а Отто бежал к ней, размахивая руками и крича: «Убирайся!» Кот медленно поднял голову и моргнул. Софи вздрогнула.

– Завтра же позвоню в Общество контроля животных, – сказал Отто. Кот поднялся и потянулся. Они смотрели, как он раскрывает пасть, с надеждой взирая на них. – Это всё недопустимо, – пробурчал Отто укоризненно.

– Если я не буду его кормить, он уйдет, – мягко сказала она.

– Если ты позволишь ему... – он выключил лампу в гостиной.

– Почему ты не ответил на звонок? – обронила она, когда они поднимались по лестнице. –

Ты становишься эксцентричным, как Таня.

– Таня! Я думал, Таня всю свою жизнь проводит на телефоне.

– Она отвечает на звонки, только если у нее не задался очередной роман.

– Роман, – фыркнул он, следуя за Софи по коридору в спальню. – Таня и любовь!

– Хотя сама она людям звонит.

– Я ненавижу Таню.

Они стояли около кровати лицом друг к другу.

– Ты никогда мне этого не говорил, – сказала она. – Я никогда не слышала, чтобы ты говорил о своей ненависти к кому-то.

– Я только сейчас это понял.

– Как насчет Клэр?

– С Клэр всё в порядке. Какое тебе дело до того, что я думаю о Тане? Она тебе самой не нравится. Ты ее почти не видишь.

– Я почти никого не вижу.

– Ты так говоришь, будто я в этом виноват.

– Ты не объяснил, почему не отвечаешь на звонки, – с осуждением сказала она.

– Потому что я больше не слышу по телефону ничего, что мне хотелось бы услышать.

Они оба стояли неподвижно, полуосознанно собирая друг против друга улики, обвинения, которые уравнивали бы раздражение, не понятное ни одному из них. Тогда он прямо спросил ее, почему она злится. Она ответила, что вовсе не злится, просто было очень неприятно, как он повел себя с телефоном, просто тупо стоял там, пока он звонил, вынудил ее брать трубку.

– Давай в кровать, – устало проговорил он.

Она бросила на него ироничный взгляд, который он проигнорировал. Интересно, что бы случилось, если бы она сказала ему, что этот телефонный звонок, это зловещее дыхание напугали ее. Он бы, наверное, ответил: «Не глупи!» – решила она. «Хватит называть меня глупой!» – хотелось ей заорать.

Он развешивал свой костюм. Она смотрела, как он разглаживает брюки.

– Тебе нужно выбросить это нижнее белье, – сказала она. – Оно прямо на тебе рассыпается.

– Когда долго носишь, оно такое нежное становится, мне нравится.

Это прозвучало почти жалобно. Она смягчилась. Было что-то очень забавное в маленьких личных предпочтениях людей, их секретных привычках, детских и глупых. Она посмеивалась над ним и его нежным старым бельем. Снимая шорты, он окинул взглядом себя, потом ее, с очень самодовольным видом. Ну и пусть себе нравится, подумала она. По крайней мере они

избежали бессмысленной ссоры. Интересно, пыталась ли Таня когда-нибудь соблазнить Отто? Затем она вспомнила единственный визит Тани во Флиндерс. Отто был в шоке, возмущен до глубины души, когда случайно обнаружил, что Таня заняла абсолютно все ящики огромного комода теми немногими вещами, которые привезла с собой на выходные. «Боже мой! У нее шарф в одном ящике, пара чулок – в другом, пояс – в третьем. Сколько ящиков ей ни дай – она по всем распахивает пожитки, что это за женщина такая?» – жаловался он Софи.

– Таня *действительно* довольно ужасная, – сказала Софи, пока Отто устраивался в кровати рядом с ней. – Наверняка с ней и любовью заниматься ужасно. Наверняка она не может отвлечься от себя любимой ни на секунду, чтобы заметить, с кем она в постели.

– Спи, – попросил он. – Ты меня будишь.

Она замолчала без возражений. Он ее больше не раздражал, и было уже не важно, почему она злилась до этого. Она осмотрела свою руку и решила сделать ванночку. Рана определенно болела.

Софи проснулась в три часа ночи. Рука, на которой она лежала, напоминала чужеродный предмет, который каким-то образом прикрепился к ее телу. Она немного полежала, думая о коте и о том, как удивилась, увидев его снова, когда они с Отто вернулись домой. Он выглядел таким обычным, заурядным городской бродяга. Чего она ожидала? Что он сойдет с ума после нападения на нее? Что он теперь вломится в дом и сожрет их с мужем? Она встала и пошла в ванную. Опухоль, которая немного уменьшилась после горячей ванночки, опять выросла. Софи наполнила раковину водой и опустила в нее руку. Затем, глядя на свое лицо в зеркале над раковиной – она не хотела смотреть на то, что делает, – она начала давить пальцами здоровой руки на распухший участок кожи. Она посмотрела вниз, вода была мутной. Она расслабила пальцы, потом сжала их в кулак.

Она вернулась в постель и почти бросилась к спине Отто. Он тяжело вздохнул.

– Руке хуже, – прошептала она. Он тут же сел.

– Утром первым делом позвоним Ноэлю, – сказал он. – Если понадобится, поедем в Пелхэм⁶ и сами привезем его в офис. Твою руку нужно осмотреть.

– Если не станет лучше.

– В любом случае, – Отто лег обратно на подушки. – Который час?

Временами ему казалось, что он не спал без помех ни единой ночи с тех пор, как они поженились. Ночные разговоры доставляли Софи особенное удовольствие.

– Три. Ты обратил внимание на поведение юного Майка? Как он выглядел? На эту венгерскую ленту у него на лбу, это что-то фольклорное или что это вообще было?

– Не надо об этом, – резко сказал он. – Просто не поднимай эту тему. Не зли меня. То ли будет, когда он начнет искать работу.

– Он никогда не будет работать. Его будет содержать Майк. А волосы? Он тербил их всё время, пока мы разговаривали. Собирал их, накручивал, разглаживал, оттягивал.

– О чем вы с ним говорили?

– О бестолковых вещах, глупости всякие.

– Ну не все они настолько никчемные, – сказал Отто.

– Дети воды⁷. Они появляются из водопроводных кранов, а не из людей.

– Они хотят быть Неграми, – сказал Отто, зевая.

⁶ Пелхэм – богатый пригород Нью-Йорка, в 14 милях к северо-востоку от мидтауна Манхэттена.

⁷ «Дети воды» – дидактическая сказка времен викторианской Англии. Главный герой тонет в реке, превращается в дитя воды и проходит различные испытания на пути нравственного роста. Книга была широко известна в Англии на протяжении многих десятилетий, но впоследствии утратила популярность из-за неpolitкорректности в отношении ирландцев, евреев, американцев и бедных.

– Любопытно, на что они все-таки способны, – сказала она, внезапно вспоминая, как сказала Майку, что хочет быть еврейкой.

– Они выбрали остаться детьми, – сказал он сонно, – не зная, что этого не может никто.

Что такое ребенок? Откуда ей знать? Где тот ребенок, которым была она? Кто ей расскажет, какой она была в детстве? У нее была одна фотография себя-четырёхлетки: она сидит в плетеной качалке, в детском кресле, ноги торчат из белых хлопковых шортиков, на голове чья-то огромная панاما ей не по размеру. Кто собрал в одном кадре все эти вещи? Панаму, плетеное кресло, белые хлопковые шортики? Кто сделал эту фотографию? Она уже пожелтела. Какое отношение имеет юный Майк – грязный, непонятный, ко всему безразличный, разговаривающий на своем иератическом жаргоне, оскорбительном и отталкивающем одновременно, – к ее детству? К детству вообще?

– Отто? – Но он уже заснул. Проехала машина. Легкий ветерок залетел в открытое окно, принес с собой собачий лай. Потом она услышала стук, кулак по дереву. Она подошла к окну и посмотрела вниз – из-за выступа не было видно крыльца и человека, который мог там стоять.

Раздалось какое-то ворчание, потом несколько резких ударов, потом шепот. Неужели у нее и правда сейчас зашевелились волосы? Она оглянулась на кровать. Затем вышла в холл и спустилась по лестнице, крепко прижимая руку к мягким складкам ночной рубашки.

Остановившись у входной двери за занавесками, скрывающими стеклянное окошко, она прислушалась и пригляделась. По другую сторону двери качнулось большое тело, большая голова повернулась к ней, затем отвернулась.

– Отто... – печально вздохнул голос.

Софи отперла дверь. Там стоял Чарли Рассел, воротник пиджака загнулся внутрь.

– Чарли!

– Шшш!

Он шагнул в прихожую, и она закрыла дверь. Они оказались друг к другу так близко, будто собирались обняться. Она чувствовала, что всё его лицо наблюдает за ней, как один огромный глаз.

– Мне нужно поговорить с Отто, – прошептал он с нажимом.

– Он спит.

– Я в ужасном состоянии. Я должен его увидеть.

– Сейчас? Ты с ума сошел.

– Я не мог прийти раньше. Мы виделись с ним сегодня с утра, и всё это время я доходил до вот этого состояния, в котором заявился сейчас. Мне всё равно, сколько времени, – он потянулся и сжал ее руки.

– Я не буду его будить, – сердито сказала она.

– Я разбужу.

– Пусти, мне больно. Меня кот укусил.

– Это просто убивает меня, – сказал Чарли, тут же отпуская ее и прислоняясь к стене. – Послушай. Пойдем выпьем кофе. Если подумать, не хочешь ли ты увидеть эту сволочь.

– Рут знает, где ты?

– Какая Рут?

– Не смешно, – сказала она. – Ненавижу шуточки про жен. Они выводят меня из себя.

Со мной про жену не шути.

Он наклонился и заглянул ей в лицо:

– Ты, кажется, злишься.

– Злюсь, – сказала она.

– Будешь? Кофе?

– Да.

– Давай сбежим, – хлопнул он в ладоши.

– Мне нужно одеться. Не шуми. Я сейчас спущусь. Вон стул. Не шевелись.

Она одевалась молча; даже рукава блузки бесшумно скользнули по рукам. Казалось, все ее мысли были только о том, чтобы одеться.

Отто лежал на кровати по диагонали, одно колено торчало из-под одеяла. Она быстро расчесала и заколола волосы, потянулась за сумочкой на комод, потом решила ее оставить, положила ключи от дома в карман. Она достала из шкафа туфли, на цыпочках вышла из комнаты и на одно головокружительное мгновение ощутила какое-то запретное возбуждение.

Четыре

Они шли вниз по улице, быстро и тихо, как заговорщики, молчание нарушили, только когда свернули за угол и направились в сторону даунтауна Бруклина.

– Куда мы идем? – спросил он. – Что в такое время открыто?

– Я не знаю. Никогда не была здесь в этот час. Ты приехал на метро?

– Нет, взял такси. Он высадил меня не на том углу, но я был слишком уставший, чтобы спорить. Дошел пешком до вашего дома.

– Ты сказал Рут, куда едешь?

– Нет. Я был в кино. Человек в соседнем кресле сказал, что я разговариваю сам с собой. Я ответил ему, чтобы он не перебивал, а он – что я порчу ему единственный выходной. Поэтому я ушел, взял такси и поехал в Бикфордс⁸, там полно людей, которые разговаривают сами с собой. Господи! Посмотри на все эти бумажки на тротуарах.

– Пожалуйста. Не говори со мной про мусор.

Они дошли до перекрестка. С запада, надвигаясь на них с гулким стуком и механическим скрежетом, несся автобус. Он проехал на красный. Водитель сидел, сгорбившись и обхватив руль руками, его кисти свисали вниз, как бумажные. В салоне была только одна пассажирка, пожилая женщина с ослепительно белыми волосами. Она выглядела одновременно величественно и бессмысленно.

– О чем она думает? – спросила Софи.

– Ни о чем. Она спит.

Загорелся зеленый, потом опять красный. Вокруг шуршала мятая упаковочная бумага и газеты. В конце квартала у окон забегаловки стояли несколько вялых фигур. Приблизившись, Софи увидела внутри двух мужчин, которые двигались довольно бодро, ополаскивая грубые белые чашки и начищая гриль. Люди снаружи просто стояли и смотрели. На другой стороне улицы, возле выхода из метро, толстый смуглый коротыш в маленькой черной шляпе уставился вниз на ливневку. Из-за неподвижности он походил на беженца, который доехал, куда смог, а теперь не знает, что делать.

– Они сейчас закроются, – сказал Чарли.

Первоначальное воодушевление покинуло Софи. Охватила тревога. Вся левая рука болела. Возбуждение от контраста между ее прежней спокойной дружбой с Чарли как жены его делового партнера – ни вопросов, ни ответов – и нынешней ситуацией; от мысли о том, что Отто спит и знать ничего не знает, мысли, которая и вытолкнула ее из дома, – исчезло. Теперь всё это напоминало тягостный разговор гостей в тот поздний час, когда больше нечего сказать и ничего не осталось, кроме пепла в камине, посуды в раковине, сквозняка в комнате, возвращения к обычной отчужденности.

⁸ Бикфордс – сеть ресторанов-кафетериев, популярная в Нью-Йорке в 1920–1970-е годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.